

---

¹ Колин К. К. Фундаментальные исследования в области информатики: общий анализ, тенденции и перспективы развития // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2007. № 7. С. 5.

² См.: Столяров Ю. Н. Опыт разработки и преподавания курса «Документология»: история, современное состояние, ближайшие перспективы // Вузы культуры и искусств в едином мировом образовательном пространстве: Международный симпозиум (Москва, 17–18 мая 2007 года). Т. II. М., 2007. С. 95.

³ ПрООП по направлению 034000 «Документоведение и архивоведение» (бакалавр). М., 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rsuh.ru/article.html?id=245695>, свободный.

⁴ Исаченкова А. И. Документоведение. Ч. 1. Общее документоведение: Учеб.-метод. пособие. Пермь, 2004. – 46 с.

⁵ Астахова Л. В. Системный подход к информационно-аналитической подготовке документоведа // Делопроизводство. 2007. № 2. С. 75–78.

К. А. Скупенски

Университет Марии Кюри-Склодовской в Люблине

ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ ИЛИ ДИПЛОМАТИКА? THAT IS THE QUESTION

Наши замечания, кроме научного интереса, отвечают на нужды современности. На кафедре Архивоведения Университета Марии Кири-Склодовской в Люблине идет подготовка к вводу в действие самостоятельного факультета архивоведческой учебы. В Польше уже несколько лет существует факультет архивоведения на Университете Николая Коперника в Торунь. Несколько других вузов готовит архивистов в рамках специальности на исторических факультетах.

Наши замечания вытекают непосредственно из рассуждений о разных возможностях образования архивиста, которое отталкиваясь от архивоведения и исторического подхода, ввело бы студентов в мир менеджмента знаниями и информацией в постиндустриальном социуме.

Польская наука об архивах формировалась в рамках западноевропейской традиции, основанной на понимании архивоведения как одной из вспомогательных исторических наук. Однако, начиная с семидесятых годов XX в. в Польше стали преобладать взгляды о том, что архивоведение представляет самостоятельную ветвь науки. В дискуссии о ее месте среди других дисциплин нужно обратить внимание на ее отношения с дипломатикой.

Наиболее значимыми здесь представляются споры вокруг вопроса, должна ли дипломатика заниматься толкованием документа. Такие воз-

возможности открывает, например, дефиниция понятия из словаря опубликованного в 1994 г. Международной комиссией дипломатики (Commission Internationale de Diplomatique) – одного из подразделений Международного комитета исторических наук (Comité International des Sciences Historiques). Согласно этой дефиниции, документ – это письмо, в котором зафиксировано либо законное действие, либо факт, что такое действие уже сделано, либо какой-то факт, если только письмо было подготовлено в установленной форме, способной придать ему правовые полномочия. Здесь сложно более глубоко погружаться в теоретические подробности. Несомненно, однако, что упор на юридическую силу открывает дорогу для рассмотрения деловых бумаг как разновидности документов, которые не имеют публичной юридической силы, а всего лишь внутриучрежденческую или даже частную. Это согласуется с мнениями, которые высказываются о единой, неделимой на древнюю и новую, дипломатике. Меньшее значение имеет дискурс о двух отдельных дисциплинах: дипломатике и актоведении (Aktenkunde).

Высказанное выше относится к представлениям о дипломатике люблинской школы вспомогательных исторических наук, состоящей из воспитанников профессора Юзефа Шиманского, автора фундаментального учебника, неоднократно издаваемого с 1968 г. по 2001 г. В их основе лежит толкование документа как орудия власти и управления. Однако, не теряя других функций (например, игровой или информационно-коммуникативной), этот целостный подход не снимает различия между дипломатикой (наука о документе в общем и об историческом источнике), и архивоведением (теория и практика тоже документа, но только архивного). Здесь сохраняется различие между процессом *актотворительным* и *архивотворительным*, известное в польском архивоведении.

Можно ли в результате в польских условиях соединить научные традиции дипломатики и архивоведения, создать научную почву для самостоятельного факультета «архивоведение и управление документами (информацией?)»? Речь идет о системной и целостной рефлексии над явлением документа – от глиняной таблички Шумеров или египетских папирусов до электронного документа. Очевидно, что нужно искать подходы к трактованию документа как исторического источника и также архивной единицы.

В этом подходе необходимо объединение многих теоретических и практических направлений науки (и особенно права, теории организации и управления, научной информации, управления знанием и информацией, *общественным сообщением* (связями с общественностью), информатикой, информационными технологиями и т. п.)

Однако объединение в одно целое всех этих дисциплин непросто. Главным образом, речь идет о проблемах, хорошо известных российскому

документоведению. Напомним, что в контексте библиотековедения и научной информации документ рассматривается как выражение человеческой мысли, закрепленной с намерением распространения. В информатике документ означает всякую запись, то есть цифровой документ.

Речь идет, следовательно, о широком понимании документа, которое остается в польской традиции дипломатики и архивоведения. Мы вступаем здесь в сферу вопросов о соотношении документа и записи информации, или средства информационной связи. Это ведет нас к определению документа как физической реальности, которая состоит из материи, энергии и информации. Даже биологическую жизнь можно рассматривать в категориях записи информации в ДНК. А культуру в обществе можно выразить через концепцию общественной коммуникации, сформулированную Чарльзом Хортоном Кули (Charles Horton Cooley). Это вопросы, в которых студент факультета архивоведения и управления документацией (информацией?) должен разбираться. Они касаются, в конечном итоге, каждого образованного человека, живущего в обществе, которое определяется как информационное.

Однако возможно опасение о перерастании выше обозначенного курса во всеобъемлющую науку не только о документе, но и об информации и коммуникации. В этом случае имеется риск потери тождественности собственной области исследований, вырастающей из дипломатических и архивоведческих истоков.

Дипломатика уже в XIX в. нарушила границы, начертанные немецкой историко-юридической школой. Однако нет сомнения, что подобно архивоведению, она близка к административно-правовым трактовкам документа. Для юристов важны закон, правоотношения или обстоятельства, которые могут иметь значение по судебному делу. В управлении деловая бумага – это созданное субъектом государства или самоуправления явление, регулирующее конкретное дело. Легко отметить, что это та почва, из которой вырастает понимание документа как инструмента власти, администрации и управления.

Одним из оснований таких трактовок документа является понимание его как правового средства доказательства, контроля, наблюдения и т. п., а также частного – в управлении. Распространение электронного документа колоссально расширило сферу применения именно этих функций. Это позволяет облегчить регистрацию и управление массивами информации разного вида. Электронный документ представляет собой средство общественного контроля с невиданными до сих пор возможностями. В началах XXI в. в течение двух лет было записано столько информации, сколько на протяжении всей истории человечества, причем свыше 90% в электронном виде. Юридическую силу (используются в суде как доказательства) приобретают, например, звукозаписи из уличного мониторинга, видео- и те-

лефонного разговора, записи регистраций телефонов к сети GSM, записи разговоров в call-center и тому подобное.

Существенное значение имеет возникновение все более мощных систем управления информацией. Акт Sarbanes-Oxley в США навязал фирмам применение систем Enterprise Content Management (управления информационными связями). Речь идёт о возможности поиска информации в неструктурированных массивах. До сих пор это было невозможно.

Документы в канцелярии или архиве не доступны без физического упорядочения. Сегодня мы имеем возможность контроля деловой ситуации в режиме реального времени, не ожидая месяцами бухгалтерский отчет или другие аналитические разработки, составленные на основе анализа миллионов единичных документов.

Легко заметить, что представление о документе, основанное на традиции дипломатики и архивоведения, вполне применимо для обозначения электронного документа. Мы не вспоминаем уже о таких вопросах, как например, верификация подлинности, сведенной к установке тождественности автора.

Таким образом, необходимо думать о таких направлениях изучения документа, которые составят основу курса (факультета) архивоведения и управления документацией (информацией?) с учетом их традиций.

Аналогичные подходы реализует российское документоведение. Данный термин не нуждается в пояснениях. В Польше он известен, но поисковая система в Интернете на польских сайтах показывает всего две ссылки на это слово. Каждый раз в отношении документоведения украинского. Тем не менее, было бы полезно в польских условиях обратиться к парадигме документоведения, как понятия, которое объединяет общие представления о документе как орудии власти.

Наш основной вопрос доклада фактически можно преобразовать следующим образом: «Как от дипломатики и архивоведения перейти к документоведению». Это приводит к мысли о том, что будущее польское документоведение должно извлечь из российского, и что может привести своего. Но это тема для обсуждения в будущем.